

ЕГО ПЬЕСЫ СМОТРЯТ МИЛЛИОНЫ...

И. ЮЗОВСКИЙ

Островскому было 22 года, когда он поступил в Московский коммерческий суд. Ему положили жалованье 4 рубля в месяц. Начальство полагало: молодой чиновник при подобном окладе сообразит, что ему «делать». Из деликатности начальство не договаривало, что имело в виду. Но договорил молодой чиновник, написавший пьесу «Доходное место», где и вывел начальство «за дело».

В пьесе «Тяжелые дни» идет разговор между молодым человеком и его приятелем Досужевым, судебным чиновником:

«Молодой человек. Какие выгоды доставляет тебе твое занятие?

Досужев. Выгоды довольно большие; а главное: что ни дело, то комедия».

Что ни дело, то комедия! Например, дело обанкротившегося купца, которое протоколировал чиновник Островский, превратилось в комедию «Банкрот», или «Свои люди, сочтемся».

Это была первая пьеса Островского. Молодой автор и его друг актер Садовский читали ее в московских домах, куда их наперебой приглашали. Пьесу слушали и в особняке графини Ростопчиной и в московских трактирах. Николай Васильевич Гоголь одобрительно отозвался о комедии. Вся Москва заговорила о новом драматурге. Судили да рядили: случайная ли это удача или появился писатель, которого давно ждал русский театр.

В течение последующих сорока лет Островский давал по одной или две пьесы в год, написав свыше 50 пьес, составивших целую библиотеку, целый театр — гордость русской реалистической литературы. В них широко отразилась русская жизнь. И эпоха Ивана Грозного, и сказочное царство Снегурочки, и патристический подвиг Козьмы Минина, и деятели дворянского и капиталистического классов, и непокоряющиеся русские люди, протестанты и обличители. Свыше 500 лиц действуют в пьесах Островского — целый мир человеческих

характеров, социальных типов, народных образов.

Первой же своей пьесой Островский затмил многих своих соратников по перу. Казалось, все пути открылись перед ним. Увы, дались они ему нелегко. В ту пору русская сцена густо заросла чертополохом всяческой иностранщины, и привозной и отечественного производства. Задавали тон французский водевиль и высокопарная мелодрама.

Просматривая сейчас сводные театральные афиши сороковых и пятидесятих годов, видишь в полемике, в столкновении самых названий жестокою борьбу. С одной стороны — «Жених, чмо-дан и невеста», или «Муж, достань мне собачку», или «Волшебный нос, или талисман и финики», или «Муж в дверь, жена в Тверь», или «Новички в любви», а с другой стороны, «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочешь», «Старый друг лучше новых двух».

Мудрость русской пословицы вытесняла игривый французский анекдот. С Островским на нашей сцене утверждался русский человек, русское слово, русская песня.

Однако «Лучинушка», сменившая гривуазную песенку, и Миша да Люба, заменившие мосье и мамзель, встретили брезгливую гримасу сановных зрителей, изволивших заметить, что сцена «провоняла овчинными полушубками и смазными сапогами».

Высший свет низкопоклонничал перед заграницей. Сомнительный заезжий актер расценивался выше общепризнанного русского таланта. Министр двора, которому подчинялись актеры, проводил театральную политику верхов.

Вот характерный случай. Одна французская актриса, приехав в Петербург, объявила, что ей на завтрак следует регулярно подавать свежее ослиное молоко, ибо этого требует ее здоровье. Тогда сам министр двора граф Адлерберг торжественно обязался доставить ослицу.

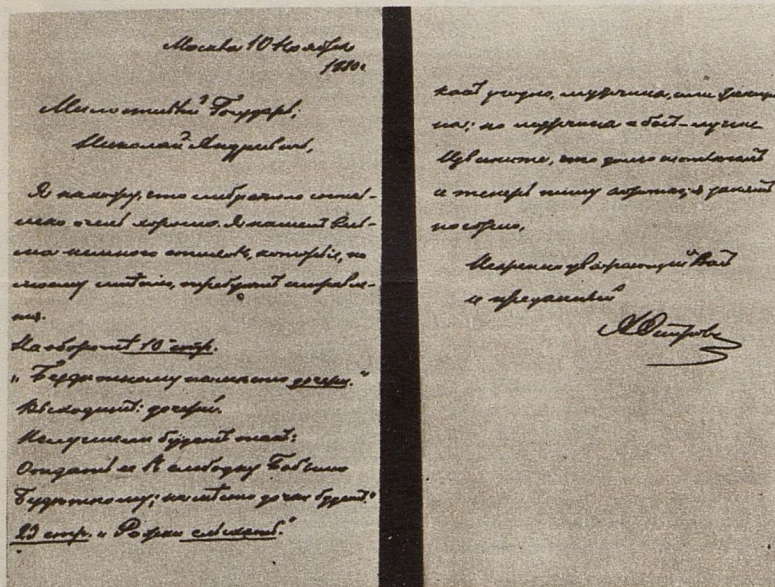
Адлерберг сдержал слово, однако ослица по не исследованным до сих пор причинам отказалась давать молоко. Глубоко взволнованный граф доложил о событии самому императору. Николай I дал приказ: добыть вторую ослицу! Ослица была торжественно приведена из Гатчины, и престиж министра двора был таким образом спасен.

Когда же впоследствии Малый театр обратился с просьбой о пенсии больному Островскому, чьи пьесы шли по всей России, преемник Адлерберга, его сын, тоже Адлерберг, тоже граф, тоже министр двора, во всем похожий на отца, ответил грубым отказом.

А Островский постоянно нуждался. Его письма из года в год полны жалоб и обид, что ему нужно унижаться до просьб. Зимой 1851 года автор «Своих людей» ходил в летнем пальто и

Государственный академический Малый Театр.

Письмо Островского к Римскому-Корсакову (первая и последняя страницы)

Первое исполнение пьесы А. Н. Островского «Доходное место» на сцене Малого театра в 1863 году — артисты П. М. Садовский в роли Юсова, С. В. Шумский в роли Жадова и А. А. Рассказов в роли Белогузова.

Одна из первых исполнительниц ролей Островского Л. П. Никулина-Косицкая

Н. М. Садовский в роли Люима Торцова в пьесе А. Н. Островского «Бедность не порок».

М. П. Садовский в роли Подхалюзина в пьесе «Свои люди сочтемся».

О. О. Садовская в роли Кabanichки в пьесе «Гроза».

Н. М. Садовский (визу) в роли Глаймова в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты».

простуживался, а его жене Агафье Ивановне не на что было купить дров, чтобы истопить печь.

В 1869 году автор «Грозы» и «Горячего сердца» обращается к Некрасову с просьбой похоронить за него: «Просто скажите: пора сделать что-нибудь для Островского, он написал целый русский театр в 30 пьес и доставил сборов дирекции более миллиона. Будьте отец и благодетель. Мне теперь жутко приходится с детьми, а ведь я честно трудился для театра 20 лет и служил ему всей душой».

В 1883 году в письме к своему другу, актеру Бурдину, Островский спрашивает, что слышно о вознаграждении за его пьесы:

«От этого вопроса зависит благосостояние моего семейства и, может быть, моя жизнь (писано за три года до смерти.—И. Ю.). До твоего ответа мне спать уж не придется; я и так сплю не более двух часов в сутки.—Вот до чего довели меня за мои 36-летние труды для русского театра».

Каждый раз, уезжая летом в свою усадьбу Щельково, он мечтал хоть о месяце отдыха. Не выходило! Он жаловался, что переезжает не из города на дачу, а из одного кабинета—в Москве—в другой кабинет—в Щелькове,—только и всего. Так он и умер, сидя за письменным столом, за которым были написаны «Лес», «Волки и овцы», «Снегурочка», «Бесприданница» и многие другие.

Поражает при этих обстоятельствах взыскательность, ответственность за каждое слово, которое он, так сказать, пробовал на вкус и наощупь, прежде чем решиться занести его на бумагу. Известно, что он предпочитал слушать, чем смотреть свои пьесы. Он стоял за кулисами Малого театра и, вслушиваясь в слова, доносившиеся со сцены, судил и об актере и о себе. Он как никто знал тайны живой русской речи, бесконечное богатство языковых красок.

Он не раз переделывал свои комедии, и хотя нужда, стояв-

шая за его спиной, толкала его: «Торопись, торопись!»,—он упрямо не шел дальше, пока не добивался совершенства. Монолог Подхалюзина в «Своих людях» имеет четыре варианта, а наградой за этот труд была надпись жандармского генерала на титульном листе рукописи: «Запрещаю». Подобная же участь постигла «Воспитанницу», «Бедную невесту» и другие пьесы.

Критики, которые склонны видеть в творчестве Островского только «исконную красоту русского духа», недоумевают по поводу запрещения его пьес и все объясняют «тупостью царской цензуры». Нет, это не была тупость, это была защита интересов правящего класса.

Достаточно послушать следующий диалог, вызванный запрещением «Воспитанницы».

— Пьеса г-на Островского с таким вредным направлением, что не может быть допущена на сцену,—сказал жандармский генерал Потапов.

— В чем же это вредное на-

правление, ваше превосходительство?—спросил актер Бурдин.

— В насмешках и издевательствах над дворянством. Дворянство... освобождает крестьян—и за это еще потешаются над ним!

— Но, ваше превосходительство, тут не задеты ни крестьянский вопрос, ни благородные чувства дворянства.

— Конечно, прямо ничего не говорится, но мы не так просто чтобы не понимать намеков и уметь читать между строк...

Русская революционная демократия решительно поддерживала передовое направление творчества Островского. Драматург ищет сближения с писателями революционно-демократического лагеря. Он чувствует, что их поддержка и влияние на него важны ему как художнику. Писателями становятся Салтыков-Щедрин и Некрасов.

Некрасов печатает Островского в боевых органах революционных демократов: в «Современнике» и «Отечественных записках».

75 лет назад

Семьдесят пять лет назад, весной 1873 года, в Московском Большом театре в бенефис В. И. Живокини состоялось первое представление весенней сказки А. Н. Островского «Снегурочка», музыку к которой написал П. И. Чайковский. Живокини исполнял роль боярина Бермяты.

Островский, находившийся в Щелькове, не присутствовал на спектакле. Один из друзей писал ему: «Еще победа! запел бы я... если бы голос мой мог быть услышан... По окончании пьесы несколько раз вызывали Федотову и Кадмину и требовали автора. Театр был совершенно полон, не было ни одного пустого места...»

«Снегурочка» прочно вошла в золотой фонд русской драматургии.

В 1881 году Римский-Корсаков написал на сюжет сказки Островского одноименную оперу.

26 сентября 1900 года в знаменитой драматической постановке «Снегурочки» Островского в Художественном театре в роли царя Берендея дебютировал В. И. Качалов.

Ныне «Снегурочка» готовится к постановке в Государственном театре имени Евг. Вахтангова.

На снимках: участники первого представления «Снегурочки» Г. Н. Федотова—Снегурочка (слева) и Е. П. Кадмина—Лель (справа).

